

Н. А. Муравьев

ПРИЧАСТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОДНОВРЕМЕННОСТИ В КАЗЫМСКОМ ДИАЛЕКТЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

Рассматриваются причастные темпоральные конструкции со значением одновременности в казымском диалекте севернохантыйского языка. Богатство и разнообразие инвентаря данных конструкций фиксируется в ряде работ, однако существующие описания не дают ясной картины их функционирования и дистрибуции. Цель исследования – более подробно описать семантику конструкций одновременности, определив характерные черты каждой из них. Материал для исследования был получен в ходе опроса носителей с. Казым ХМАО-Югра по методике завершения носителем предложенного стимульного контекста, исходная часть которого состояла из зависимой клаузы каждой конструкции с варьированием глагола. Опросник был составлен на основе выборки из 50 глаголов различных аспектуальных классов. Для исследования было выбрано пять конструкций: одна причастно-падежная (локативная) и четыре причастно-последложных конструкций с послелогом *pōrajən*, *mār(ən)*, *kūtən* и *saxət/satilsa*. Конструкции были проанализированы по трем аспектуальным параметрам: предельности, длительности и однородности событий. Было установлено, что ни одна конструкция, за исключением локативной, не сочетается с предельными фоновыми событиями. При этом конструкция с *pōrajən* предпочитает длительное, а конструкция с *kūtən* – неоднородное фоновое событие, конструкция с *saxət/satilsa* – краткое или среднее фоновое и предельное основное событие. На основе более детального рассмотрения полученных контекстов было установлено, что конструкция с *pōrajən* не является семантически неспецифицированной, как она описана в литературе, а выражает конкретное значение одновременности с событием, характеризующим временной период. В свою очередь, конструкция с *kūtən* задает неоднородный фон из исходно неоднородного события, тогда как в сочетании с однородными предполагает сознательное прерывание фонового события субъектом. Конструкции с *mār(ən)* и *kūtən*, хотя практически не обнаруживают ограничений в сочетании с кратковременными событиями, уместны только лишь в случае «растягивания» данных событий во времени либо одновременности в более мелком масштабе.

Ключевые слова: уральские языки, хантыйский язык, семантика, аспект, таксис, причастие, полипредикация, одновременность

В севернохантыйском языке, как и в большинстве уральских, основной для обстоятельственных предложений является нефинитная стратегия, при которой глагол в зависимой клаузе используется в форме причастия, деепричастия или номинализации. Особое место среди всех хантыйских обстоятельственных конструкций занимают конструкции одновременности: их инвентарь достаточно велик и разнообразен, при этом их семантика и дистрибуция крайне мало изучены. Цель статьи – описать данный фрагмент хантыйской системы и выявить принципы функционирования таких конструкций. В ходе анализа было установлено, что функционирование хантыйских конструкций одновременности зависит от параметров предельности, длительности и однородности. Исследование проведено на полевом материале казымского диалекта хантыйского языка методом опроса носителей, данные собраны в с. Казым ХМАО-Югра в 2022 г. Всего было опрошено 18 носителей от 42 до 75 лет, свободно владеющих севернохантыйским языком. Статья состоит из трех разделов: в первом разделе даются общие сведения о темпоральных полипредикативных конструкциях севернохантыйского языка, во втором – приводится семантический анализ конструкций, в третьем – подводятся итоги анализа.

1. Основные сведения о конструкциях одновременности

Темпоральные обстоятельственные конструкции в севернохантыйском (подробный обзор в работе (Черемисина, Кошкарева, 1991)) образуются от двух причастий: причастия прошедшего времени с показателем *-(ə)t-* и причастия не прошедшего времени с показателем *-t(i)-* при помощи падежного показателя локатива либо одного из ряда послелогов или реляционных

имен с темпоральным значением. Локативная форма причастия (LOC) выражает значение «общей временной соотнесенности» (Черемисина, Кошкарева, 1991: 759), а также одновременности и следования (Кошкарева, 2007) и образуется присоединением показателя локатива *-ən* после показателя причастия (1) либо лично-числового показателя субъекта зависимой клаузы (2).

- (1) *jert-əm-ən* *ta* *jǒləən* *əməs-s-əm*
 дождить-NFIN.PST-LOC я дом.LOC сидеть-PST-1SG
 ‘Во время дождя я дома сидел’.
- (2) *ari-m-ał-ən* *pet’a-j-en* *jǒš-ən* *wǒš-əs*
 петь-NFIN.PST-3SG-LOC Петя-EP-POSS.2SG рука-LOC махать-PST[3SG]
 ‘Когда Петя пел, руками махал’.

Помимо LOC, темпоральные отношения в хантыйском выражаются сочетанием причастий с реляционным именем или послелогом, выражающим темпоральную семантику (обзор послелогов в казымском диалекте (Кошкарева, 1996) и обзор темпоральных послелогов в шурышкарском диалекте (Лельхова, 2012)). Отдельно темпоральным обстоятельственным конструкциям с послелогом посвящены разделы работ (Черемисина, Кошкарева, 1991) и (Schön, 2017). Значение общей временной соотнесенности, кроме LOC, представлено конструкциями с послелогом *kemən* и *pǒrajən*, которые представляют собой локативные формы реляционных имен *kem* и *pǒra* ‘время’, ср. (3). В (Schön, 2017: 254) также обращается внимание на то, что обе конструкции могут использоваться в условной функции. Лично-числовое согласование с субъектом может быть выражено либо на глагольной форме, либо на реляционном имени.

- (3) *ari-m-ał* *pǒra-j-ən* *pet’a-j-en* *əw* *pəla* *want-əs*
 петь-NFIN.PST-3SG время-EP-LOC Петя-EP-POSS.2SG дверь на смотреть-PST[3SG]
 ‘Когда Петя пел, смотрел на дверь’.

По (Черемисина, Кошкарева, 1991: 760), значение простой одновременности передается конструкциями с теми же самыми послелогом *pǒrajən* и *kemən*, а также с *artən*, *sati*, *saxət*, *sa*, *kūtən* и *kūrūman*. Конструкции с реляционным именем *kūt* ‘промежуток’ (4), далее КҮТЭН и послелогом *saxət/sati/sa* ‘за, с’ (5), далее SA¹, фиксируемые в казымском диалекте, используются, согласно (Черемисина, Кошкарева, 1991: 761), в контекстах, в которых «краткое и мгновенное действие главной части “вписывается” в длительность события зависимой части».

- (4) *ari-t-ał* *kūt-ən* *pet’a-j-en* *pǒtlaŋ-əl* *kūnš-əs*
 петь-NFIN.NPST-3SG между-LOC Петя-EP-POSS.2SG затылок-POSS.3SG чесать-PST[3SG]
 ‘Когда Петя пел, затылок почесал.’
- (5) *maša-j-en* *ari-t-ał* *sa* *xǒł-ən* *pit-s-a*
 Маша-EP-POSS.2SG петь-NFIN.NPST-3SG с кашель-LOC падать-PST-PASS[3SG]
 ‘Маша когда пела, закашлялась’.

Значение ограничительной одновременности передается конструкциями с послелогом *kaša*, *sis*, *el̥ti*, *mār*, *p̥l̥laŋ* и *x̥wat*. Единственной конструкцией из этого списка, фиксируемой в наших данных, является конструкция с реляционным именем *mār* ‘время, период’, далее MĀR, ср. (6). Как и в случае с Pǒrajən, лично-числовое согласование с субъектом может быть выражено либо на глагольной форме, либо на реляционном имени.

¹ Согласно полевым данным, эти три сходных по звучанию послелога используются в одних и тех же контекстах с идентичной функцией и находятся в почти дополнительном распределении по разным носителям. Исходя из этого, мы будем далее считать их свободными вариантами в рамках одной конструкции SA.

- (6) *maša-j-en* *arij-əm* *mār-əl-ən* *jak-əm-ijəl-əs*
 Маша-EP-POSS.2SG петь-NFIN.PST время-3SG-LOC плясать-MOM-ITER-PST[3SG]
 ‘Маша пока пела, пританцовывала’.

По сравнению с одновременностью, зоны предшествования и следования представлены значительно меньшим числом конструкций. В предшествовании разграничивается простая и ограничительная разновидность. Аналогичное противопоставление выражается и в зоне следования (Черемисина, Кошкарева, 1991: 761, 763; Schön, 2017: 264, 271–272). Помимо причастных конструкций, темпоральная семантика в севернохантыйском может выражаться финитно с таксисно-нейтральным союзом *xp* ‘когда’, а также деепричастием на *-tan*. Таким образом, для выражения темпоральной семантики севернохантыйский язык использует преимущественно причастную нефинитную стратегию, а наиболее разнообразной является зона одновременности.

2. Параметры причастных конструкций одновременности

2.1. Постановка задачи

Как следует из обзора, функционально инвентарь конструкций одновременности состоит из конструкций общей временной соотнесенности, простой и ограничительной одновременности. Однако этого недостаточно для полноценного понимания семантических различий между существующими конструкциями и их дистрибуции. Уже в первом приближении становится очевидно, что семантика конструкций одновременности выходит за рамки приводимых в литературе характеристик. Так, при *mār* основное событие может быть мгновенным, ср. (7), и тогда начало и конец фонового события перестают играть ограничительную роль. А, к примеру, при *kūtən* основное событие, напротив, не обязано иметь моментальный характер (8).

- (7) *waša-j-en* *pāsan-ən* *əms-m-ał* *mār* *jert-a* *ji-s*
 Вася-EP-POSS.2SG стол-LOC сидеть NFIN.PST-3SG время дождь-DAT идти-PST[3SG]
 ‘Пока Вася сидел за столом, пошел дождь’.
- (8) *pet’a-j-en* *əl-t-ał* *kūt-ən* *xqłl’ə-s*
 Петя-EP-POSS.2SG спать NFIN.NPST-3SG между-LOC кашлять-PST[3SG]
 ‘Когда Петя спал, кашлял’.

Следовательно, необходимо последовательное сравнение всех конструкций с учетом всех релевантных параметров и составление семантического профиля каждой конструкции. Основной вопрос, таким образом, состоит в том, какова специфика каждой конструкции одновременности по сравнению с остальными. В частности, предлагаемый анализ должен ответить на следующие вопросы: какой подвид одновременности выражает каждая конструкция? каковы аспектуальные свойства фонового события в конструкции? каковы аспектуальные свойства основного события в конструкции?

В анализе мы ограничимся обзором конструкций одновременности в казымском диалекте хантыйского языка и рассмотрим только те из них, которые в достаточной степени употребительны и встречаются в речи всех опрашиваемых носителей, а именно:

- LOC, причастие на *-t(i)-* или *-(ə)m-* + падежный показатель локатива;
- PŌRAJƏN, причастие на *-t(i)-* или *-(ə)m-* + реляционное имя *pōra* ‘время, пора, срок’ в локативе;
- MĀR, причастия на *-t(i)-* или *-(ə)m-* + реляционное имя *mār* ‘время’ в немаркированной форме или в локативе;
- KŪTƏN, причастие на *-t(i)-*, реже *-(ə)m-* + реляционное имя *kūt* ‘промежуток’ в локативе;
- SA, причастие на *-t(i)-*, реже *-(ə)m-* + послелог *saxət*, *sati* и *sa* ‘за, с’.

В анализе конструкций мы ограничимся событиями плана прошедшего, оставив за рамками работы план настоящего и будущего, так как прежде всего интересуют актуально-длительные контексты, тогда как в настоящем и будущем данные конструкции получают преимущественно хабитуальную или потенциальную интерпретацию, что усложняет понимание характера временной связи между событиями и поэтому требует отдельного изучения.

При анализе сочетаемости данных конструкций с различными глаголами следующие параметры релевантны:

Предельность событий. Ожидается, что в противовес ЛОС другие конструкции будут требовать неопредельного фонового события либо в силу длительной семантики темпорального послелого или реляционного имени, либо из-за имперфективности причастия в их основе (см. далее раздел 2.2);

Длительность фонового события. Лексемы *mār* ‘время’ и *pōra* ‘время, пора, срок’ в именных контекстах описывают протяженные отрезки времени, ср. *xātāl mār* ‘в течение дня’, *lūj mār* ‘в течение лета’. Соответственно, ожидается, что в обстоятельственных конструкциях именно они будут предпочитать длительные фоновые события, тогда как другие будут тяготеть к кратковременным или средним фоновым событиям (см. далее раздел 2.3);

Однородность фонового события. Реляционное имя *kūt* ‘между, среди’ в именном контексте обозначает локализацию относительно либо совокупности объектов, либо среды различной степени однородности. Исходя из этого ожидается, что и в обстоятельственной функции возможность использования *kūt* будет зависеть от однородности фонового события (см. далее раздел 2.4).

Для проверки данных параметров была составлена выборка из 50 глагольных значений² с опорой на глагольную классификацию Ю. Д. Апресяна (Апресян, 2006). Наибольшее количество глагольных значений было взято для классов процессов и действий, которые максимально вариативны с точки зрения параметров предельности, длительности, однородности, переходности и агентивности. С каждым из глаголов выборки были сформированы контексты, состоящие из зависимой части предложения в виде каждой из пяти исследуемых конструкций, ср.: *ākatti* ‘собирать’ – (a) *pet'ajen tōlax ākātmaḷan...*, (b) *pet'ajen tōlax ākātmaḷ pōrajən...* и т. д. ‘Когда Петя собирал грибы...’. Всего, таким образом, анкета состояла из 250 контекстов. Контексты предлагались на целевом языке носителям, которые сначала оценивали грамматичность таких сочетаний, а затем в случае их приемлемости добавляли к ним главную часть, дополняя их до целых предложений. Так носители имели возможность выбрать для каждой начальной части конструкции естественное продолжение, что, в свою очередь, позволяет более объективно судить об их семантике. Некоторые из законченных контекстов затем проверялись на приемлемость с заменой одного обстоятельственного средства на другое с целью формирования минимальных пар, наглядно иллюстрирующих разницу в семантике конструкций.

2.2. Предельность событий

Предельность события – один из ключевых параметров варьирования глагольной лексики. Различаются **предельные** предикаты, такие как *вскипеть* или *сломать*, описывающие события,

² Имеются в виду отдельные употребления глагольных лексем. Так, в выборку вошли три разных употребления многозначного глагола *эмәсти*: ‘сидеть’, ‘садиться’ и ‘строить’. Полный список значений выглядит следующим образом: **состояния**: *wōlti* ‘жить’, *lawəlti* ‘ждать’, *uḷti* ‘спать’, *rūtṣəti* ‘отдыхать’, *nōmti* ‘помнить’, *jiti* ‘стоять’, *χōll'əti* ‘слышать’; **процессы**: *šōtši* ‘идти’, *jānjxti* ‘ходить’, *pōrlətləti* ‘летать (с места на место)’, *χōll'əti* ‘плакать’, *χōll'əti* ‘кашлять’, *pōsiti* ‘капать’, *sōrti* ‘(вы)сохнуть’, *jertti* ‘идти (о дожде)’, *lōḷati* ‘(рас)таять’, *enəmti* ‘расти’, *nāxti* ‘смеяться’; **положения в пространстве**: *эмәсти* ‘сидеть’, *lōlti* ‘стоять’, *эмәсти* ‘садиться’, *enxti* ‘снимать’; **занятия**: *jakti* ‘танцевать’, *ariti* ‘петь’, *kūlašti* ‘драться’, *pōtərtti* ‘разговаривать’, *lūjətti* ‘читать’; **действия**: *wēlpōsləti* ‘промышлять’, *wōn'ṣti* ‘собирать (ягоды)’, *wōnlitijəlti* ‘учиться’, *pōsti* ‘стирать’, *эмәсти* ‘строить’, *l'awəti* ‘ругать’, *ākətti* ‘собирать’; **действия**: *mōnjxti* ‘вытереть’, *amətti* ‘обрадоваться’, *ləti* ‘есть’, *kawərtti* ‘варить’, *lōtti* ‘покупать’, *pōrti* ‘кусать (грызть)’, *kim ɛtti* ‘выйти’, *wəxti* ‘звать’, *sənjkti* ‘стучать’, *kūrītti* ‘будить’, *pūnši* ‘открывать’, *lōpti* ‘сказать’, *nōməsti* ‘думать’, *katəlti* ‘ловить’, *paknəlti* ‘ругать’, *χōrətti* ‘лаять’.

которые завершаются кульминацией, и **непредельные**, такие как *спать* или *гулять*, ср., к примеру (Татевосов, 2005: 124). Для конструкций, выражающих семантику одновременности, предельность событий имеет первостепенную значимость, поскольку для локализации одного события относительно другого одно из них, а именно фоновое, должно как минимум не уступать по длительности другому, основному. Когнитивная мотивация этого принципа состоит в специфике отношений между фоном и фигурой (Talmy, 1975, Talmy, 2000: 183), ср. *кошка сидит на кресле*, где кресло играет роль фона, а кошка – фигуры, но ^{??} *кресло стоит под кошкой*.

Причастие непростедавшего времени на *-t(i)-* используется при имперфективном видовом ракурсе, поэтому для SA и KÜTƏN от данной формы ожидается сочетаемость только с непредельными фоновыми событиями. MĀR и PÖRAJƏN, которые сочетаются с обоими причастиями, задают длительный фон, поэтому, вероятно, также должны сочетаться только с непредельными фоновыми событиями. Кроме того, про SA и KÜTƏN утверждается, что основное событие обязано быть «кратким и мгновенным», из чего может следовать, что параметр предельности релевантен и для основного события.

Для проверки данных гипотез возьмем четыре глагола из нашей выборки, имеющих в прошедшем времени только предельную интерпретацию: *paknəlti* ‘напугать’, *amətti* ‘обрадоваться’, *lōpti* ‘сказать’ и *kim etti* ‘выйти’. Глаголы *paknəlti* и *amətti* действительно, как и ожидалось, сочетаются исключительно с LOC, ср. примеры (9a, b) с глаголом *amətti*.

- (9) a. *maša-j-en* *amət-m-aλ-ən* *nōx* *nawər-m-əs*
 Маша-EP-POSS.2SG обрадоваться-NFIN.PST-3SG-LOC вверх прыгать-MOM-PST[3SG]
 ‘Маша, обрадовавшись, подпрыгнула’.
- b. **amət-əm mār-aλ-ən*/**amət-t-aλ kūt-ən*/**amət-t-aλ sa*/**amət-m-aλ pōra-j-ən*

В свою очередь, *lōpti* и *kim etti*, помимо LOC, также сочетаются с SA и KÜTƏN. Рассмотрим для примера глагол *kim etti* ‘выйти’. В LOC (10a) ожидаемо задействуется единственная доступная для этого глагола предельная интерпретация, дающая контактное предшествование ‘как только P, Q’. Образовать от этого глагола MĀR или PÖRAJƏN оказывается невозможным (10b).

- (10) a. *kim* *et-m-aλ-ən* *waša-j-en* *lapka* *pəla mān-əs*
 наружу появиться-NFIN.PST-3SG-LOC Вася-EP-POSS.2SG магазин к идти-PST[3SG]
 ‘Вася вышел из дома и направился в магазин’.
- b. **kim et-əm mār-aλ-ən*/**kim et-m-aλ pōra-j-ən*

При этом конструкции SA и KÜTƏN с глаголом *kim etti* полностью приемлемы. В них, как можно видеть в (11, 12), происходит детелисизация предиката: вместо предельного моментального события выхода получается короткий, но все же минимально протяженный во времени непредельный процесс.

- (11) *waša-j-en* *kim* *et-t-aλ* *kūt-ən* *lōmət-λ'-əs*
 Вася-EP-POSS.2SG наружу появиться-NFIN.NPST-3SG промежуток-LOC надеть-DETR-PST[3SG]
 ‘Вася, когда выходил, по ходу дела одевался’.
- (12) *waša-j-en* *kim* *et-t-aλ* *sa* *lūwti*
 Вася-EP-POSS.2SG наружу появиться-NFIN.NPST-3SG с он.ACC
pōxəλ-mə-s-le
 толкать-MOM-PST-3SG.SO
 ‘Выходя на улицу, Вася его толкнул’.

Такое поведение предиката *kim etti* неудивительно, поскольку, хотя сам глагол в финитном контексте прошедшего времени используется только предельно, выражаемое им событие ‘выйти’, в отличие от ‘обрадоваться’, можно представить как развернутый, немоментальный процесс выхода.

С неопредельными фоновыми событиями ограничений на предельность не обнаруживается, ср., например, (11) с предикатами различных акциональных классов, по Вендлеру: состояние *wɔłti* ‘жить’, деятельность *jakti* ‘танцевать’ и совершение *kińiška lŭŋətti* ‘читать книгу’.

(11) *wɔłmalən / wɔłəm mārələn / wɔłtal kŭt-ən / wɔłtal sa / wɔłmal pōrajən* ‘при его жизни’;
jakmalən / jakəm mārələn / jaktal kŭtən / jaktal sa / jakmal pōrajən ‘когда он танцевал’;
kińiška lŭŋtmalən / lŭŋtəm mārələn / lŭŋttal kŭtən / lŭŋttal sa / lŭŋtmal pōrajən ‘когда он читал книгу’.

Из существующих описаний следует, что основное событие также должно быть ограничено по предельности. Из двух конструкций, для которых это изначально ожидалось, такое ограничение обнаруживается только у *sa*, но не у *kŭtən*. В конструкции *sa* основное событие обязано быть предельным и однократным (12), ср. неопредельные (13) и множественные (14) события.

- (12) *waša-j-en kim et-t-ał sa lŭwti*
 Вася-EP-POSS.2SG наружу появиться-NFIN.NPST-3SG с он.ACC
 ‘Выходя на улицу, Вася его толкнул’.
- (13) *pet'a-j-en piśma-jəł xānš-ał kŭt-ən/*sa*
 Петя-EP-POSS.2SG письмо-POSS.3SG писать:NFIN.NPST-3SG между-LOC/с
televizor want-əs
 телевизор смотреть-PST[3SG]
 ‘Петя, когда писал письмо, смотрел телевизор’.
- (14) *mānti kŭrit-t-ał kŭt-ən/*sa maša-j-en mōłtarat*
 я.ACC будить-NFIN.NPST-3SG между-LOC/с Маша-EP-POSS.2SG несколько
wer wer-əs
 дело делать-PST[3SG]
 ‘Пока Маша меня будила, много дел переделала’.

Ограничения конструкций на предельность фонового и основного событий суммированы в табл. 1.

Таблица 1

Темпоральные конструкции и предельность событий

	Фоновое событие	Основное событие
LOC	любое	любое
PŌRAJƏN, MĀR, KŪTƏN	всегда неопредельное	любое
SA	всегда неопредельное	почти всегда предельное

Как и ожидалось, фоновое событие обязано быть предельным во всех конструкциях, кроме LOC. Основное событие, в свою очередь, всегда предельное при SA, тогда как аналогичное ограничение для KŪTƏN не подтвердилось.

2.3. Длительность фонового события

Как было показано выше, SA и KŪTƏN могут в качестве фонового использовать предельное событие, преобразуя его в кратковременный неопредельный процесс. В конструкциях

МӐР и РӐРАЈӘН такое преобразование невозможно, вероятно, из-за обязательной длительности временного промежутка, заложенной в семантике темпорального послелого. Исходя из этого естественно предположить, что релевантна также длительность фонового события. Так, тяготение к длительным фоновым событиям ожидается для МӐР и РӐРАЈӘН, так как первая конструкция подразумевает в качестве фонового события протяженный во времени интервал, а вторая характеризует продолжительные периоды времени. В семантике остальных конструкций не содержится каких-либо указаний на длительность фонового события, поэтому каких-либо ограничений не ожидается.

Для проверки гипотезы мы разделили глаголы выборки на три класса: (а) выражающие **длительные** события (прототипически более одного дня), такие как ‘жить’, ‘строить’ и ‘промышлять’, (б) выражающие **средние по длительности** неопределенные события (прототипически от нескольких минут до одного дня), такие как ‘танцевать’, ‘сидеть’, ‘спать’, и ‘ходить’ и (в) выражающие **кратковременные** неопределенные события (прототипически от нескольких секунд до нескольких минут), такие как ‘звать’, ‘садиться’ и ‘будить’. Стоит оговориться, что отнесение глаголов, выражающих те или иные события к конкретной группе, в значительной мере условно и речь будет идти только о наиболее прототипических контекстах.

Рассмотрим сперва сочетаемость конструкций с предикатами, выражающими длительные события. С такими глаголами, как и ожидалось, лучше всего сочетаются МӐР и РӐРАЈӘН, которые недопустимы только с ‘помнить’ и ‘стоять’. Остальные конструкции имеют больше ограничений³. Например, событие ‘строить’ обладает сверхдолгой продолжительностью, особенно если речь идет о школе, ср. (15, 16), строительство которой занимает порядка нескольких месяцев. В этом контексте уместны только МӐР и РӐРАЈӘН, которые специализируются на длительных интервалах.

- (15) *škɔla ɔms-əm pɔra-j-ən melək wɔ-s*
школа ставить-NFIN.PST время-EP-LOC тепло быть-PST[3SG]
‘Когда школу строили, тепло было’.

- (16) *škɔla OK ɔmɔs-əm mɔr-ən / ɔms-əm-ən / ɔmɔs-ti kūt-ən / ɔmɔs-ti sa*

Теперь рассмотрим предикаты средних событий. Как и ожидалось, наибольшее количество ограничений со средними событиями наблюдается у РӐРАЈӘН, тогда как у остальных конструкций ограничений ожидаемо мало⁴. Немного неожиданным видится отсутствие каких-либо ограничений у МӐР. По-видимому, интервальность в семантике данной конструкции необязательно влечет за собой повышенную длительность фонового события. Пример темпоральной конструкции с событием средней длительности приведен в (17, 18).

- (17) *waša-j-en jak-t-aɭ kūt-ən mɔlt-aɭ*
Вася-EP-POSS.2SG плясать-NFIN.NPST-3SG промежуток-LOC что.INDF-POSS.3SG
nɔtəɭm-əs
вспомнить-PST[3SG]
‘Когда Вася танцевал, что-то вспомнил.’

- (18) *OK jak-m-aɭ mɔr-ən / OK jak-m-aɭ-ən / OK jak-t-aɭ sa*

Поведение РӐРАЈӘН отличается от остальных конструкций тем, что в сочетании с событиями средней длительности, такими как ‘танцевать’, эта конструкция имеет не актуально

³ LOC: ??‘строить’, ??‘расти’ (о людях), ??‘таять’, ??‘помнить’, ??‘стоять’, SA: ??‘строить’, ??‘расти’ (о людях), ??‘таять’, *‘помнить’, *‘стоять’, КӐТӘН: ??‘строить’, ??‘расти’ (о людях), *‘таять’, *‘помнить’, *‘стоять’.

⁴ РӐРАЈӘН – ??есть, ??летать (с места на место), ??плакать, ??ходить, ??дождить, ??разговаривать, ??капать, ??сохнуть, *стирать; LOC – ??таять, ??капать, *сохнуть; SA – ??ждать, ??дождить, ??таять, *отдыхать, *капать; КӐТӘН – ??ходить, ??сохнуть, *капать, *таять.

длительную, а генерическую или хабитуальную трактовку, ср. (19), где наличие танцев в качестве фонового события характеризует целый временной период, а в качестве основного события дается общая характеристика субъекта – ‘быть шустрее’. В этом проявляется ее тяготение к длительным интервалам и крупному масштабу.

- (19) *waśa-j-en jak-m-ał pōra-j-ən karkəm-šək wq-s*
 Вася-EP-POSS.2SG плясать-NFIN.PST-3SG время-EP-LOC быстрый-АТТ быть-PST[3SG]
 ‘Когда Вася танцевал (в бытность танцором), он был пошустрее’.

Другой пример – событие ‘летать’, которое сочетается с теми же четырьмя конструкциями: LOC, MĀR, SA и KŪTĀN, ср. (20, 21), однако использование PŌRAJĀN в данном случае оказывается затруднительным, поскольку вне специального контекста способность летать у птиц является постоянной и не относится к какому-либо конкретному временному периоду.

- (20) *tōxl-əŋ wəj pqrłat'-l'ə-m-ał mār pōšəx-l-ał*
 крыло-PROP зверь взлететь-ITER-NFIN.PST-3SG-LOC время птенец-PL-3SG
sqxr-a ji-s-ət
 голодный-DAT стать-PST-3PL
 ‘Пока птичка летала, ее птенцы проголодались’.
- (21) *OK pqrłat'-l'ə-m-ał-ən / OK pqrłat'-l'ə-t-ał sa / OK pqrłat'-l'ə-t-ał kūt-ən /*
*/ *pqrłat'-l'ə-m-ał pōra-j-ən*

Наконец, рассмотрим предикаты кратковременных событий. В соответствии с нашей гипотезой при одновременности с кратковременным фоном почти неограниченно используются LOC и SA, ср. (22, 23), а также, как оказалось, MĀR и KŪTĀN⁵. Последние две, однако, в сочетании с кратковременными событиями предполагают растягивание во времени или мелкое масштабирование фонового события. Конструкция PŌRAJĀN, как и со средними событиями, обнаруживает наибольшее количество ограничений.

- (22) *mānti wəx-m-ał-ən waśa-j-en šiti xqŋ*
 я.ACC звать-NFIN.PST-3SG-LOC Вася-EP-POSS.2SG так NEG.EMPH
nqmas-əl ma atəlt jōxt-l-əm
 думать-NPST[3SG] я один прийти-NPST-1SG
 ‘Позвав меня, Вася не думал, что я приду один’.
- (23) *mānti wəx-t-ał sa tūr-əl lāp mǎn-əs*
 я.ACC звать-NFIN.NPST-3SG с голос-POSS.3SG вплотную идти-PST[3SG]
 ‘Когда Вася меня звал, сорвал голос’.

Использование с кратковременными событиями MĀR и KŪTĀN уместно только тогда, когда открытие двери оказывается для субъекта нетривиальной задачей и событие растягивается на большой срок, ср. MĀR в (24) и KŪTĀN в (25).

- (24) *waśa-j-en əw-əl pŭnš-əm mār-əl-ən jəš-ŋəl*
 Вася-EP-POSS.2SG дверь-POSS.3SG открывать-NFIN.PST время-3SG-LOC рука-DU:3SG
xāś pət-s-aj-ŋən
 едва замерзать-PST-PASS-3DU
 ‘Пока Вася открывал дверь (долгое время), руки чуть не отморозил’.

⁵ LOC – ‘??думать’, SA – ‘??стучать’, *‘слышать’; MĀR – ‘??думать’, *‘слышать’; kūt-ən – ‘??стучать’, *‘слышать’; PŌRAJĀN – ‘??слышать’, ‘??смеяться’, ‘??стучать’, ‘??снимать’, ‘??кусать’, ‘??вытереть’, ‘??покупать’, ‘??сидеть’, ‘??ловить’, *‘думать’.

- (25) *waša-j-en* *əw-əl* *pŭnš-ał* *kŭt-ən*
 Вася-EP-POSS.2SG дверь-POSS.3SG открывать:NFIN.NPST-3SG промежуток-LOC
xəŋsa *tał-əs*
 сигарета тянуть-PST[3SG]
 ‘Когда Вася открывал дверь (долгое время), сигарету курил’.

Редкое исключение, когда в контексте кратковременного фонового события допустима конструкция PŖAJƏN, приведено в (26). В данном случае фоновое событие не является генерическим или хабитуальным, однако в главной части речь идет о погоде или каких-то других глобальных обстоятельствах.

- (26) *waša-j-en* *kim* *et-m-ał* *pŕa-j-ən*
 Вася-EP-POSS.2SG наружу появиться-NFIN.PST-3SG время-EP-LOC
pətləm-a *ji-s*
 темный-ADV стать-PST[3SG]
 ‘Когда Вася выходил на улицу, уже стемнело’.

Таким образом, длительность события действительно релевантна для выбора темпоральной конструкции (табл. 2).

Таблица 2

Темпоральные конструкции и длительность событий

	Кратковременное событие от нескольких секунд до нескольких минут	Среднее по длительности событие от нескольких минут до одного дня	Длительное событие более одного дня
SA	+	+	—
LOC, MĀR, KŪTƏN	+	+	+
PŖAJƏN	—	%	+

Как и ожидалось, конструкция PŖAJƏN тяготеет к длительному полюсу. Такая же тенденция ожидалась и для MĀR, хотя на практике она очень слаба и состоит лишь в том, что с кратковременными событиями происходит либо «растягивание» фонового события, либо его представление в мелком масштабе. Аналогичное поведение у KŪTƏN. Из оставшихся двух только SA явным образом тяготеет к кратковременному полюсу, не сочетаясь с длительными событиями. Конструкция LOC по этому параметру оказывается наиболее нейтральной.

2.4. Однородность фонового события

Именное употребление реляционного имени *kŭt* в значении ‘между, среди’, как в (27, 28), описывает нахождение объекта в сложном, разнородном ориентире, состоящем из двух и более других объектов.

- (27) *ši* *jəx-ał* *kut-ən* *ši* *mān-əs*
 DEM народ-PL-POSS.3SG между-LOC FOC идти-PST[3SG]
 ‘Прошел он между этими людьми’. (Корпус: «Мальчик с той стороны», 102)
- (28) *jelli* *xəxəl* *təp* *jux-ət*
 вперед бежать.NPST[3SG] только дерево-PL
kut-ən *liw-əl* *rəpsəmə-ł*
 промежуток-LOC хвост-POSS.3SG мелькать-NPST[3SG]
 ‘Дальше бежит, только хвост между деревьев мелькает’. (Корпус: «Хочу не хочу», 81)

Поэтому для конструкции КЎТЭН ожидается, что темпоральный ориентир не является монолитным событием, а состоит из разнородных, сменяющих друг друга фаз, а именно из деятельности и покоя либо из двух или более различных деятельностей, ср. событие ‘работать’ или ‘собирать ягоду’. Подобные разнородные события, как ожидается, наиболее естественны для КЎТЭН.

Для проверки этой гипотезы рассмотрим противопоставление неоднородных событий, таких как ‘кашлять’, ‘разговаривать’ или ‘учиться’, для которых использование *kūtən* наиболее ожидаемо, и однородных событий, таких как ‘идти’, ‘открывать дверь’ или ‘вытирать стол’. Для сравнения возьмем все остальные конструкции, кроме *ṛōrajan*, имеющей существенные ограничения по длительности фонового события. Сначала рассмотрим неоднородные события, которые состоят из неодинаковых фаз либо имеют прерывистый характер. С точки зрения сочетаемости существенной разницы между конструкциями не наблюдается. Однако КЎТЭН отличается от других конструкций с точки зрения интерпретации. Так, агентивный глагол *wə́ńśi* ‘собирать ягоды’ в (29) описывает неоднородный фон сбора ягод, на котором происходит событие охоты. Хотя временной период сбора ягод не прекращается, субъект отвлекается от непосредственного процесса сбора ягод на охоту как второстепенную деятельность. При других конструкциях, как, к примеру, в контексте (30) с *LOC*, такого переключения не происходит.

- (29) *pet'a-j-en* *wə́ńś-ał* *kūt-ən* *wəj* *wəlpəs-əs*
 Петя-EP-POSS.2SG ягодничать:NFIN.NPST-3SG между-LOC зверь промыслать-PST[3SG]
 ‘Когда Петя собирал ягоду, (между делом) зверя добывал’.

- (30) *pet'a-j-en* *wə́ś-m-ał-ən* *laŋki* *šiwał-əs*
 Петя-EP-POSS.2SG ягодничать:NFIN.PST-3SG-LOC белка заметить-PST[3SG]
 ‘Когда Петя собирал ягоду, белку увидел’.

Пациентивный глагол *xə́ll'əti* ‘кашлять’ в (31) описывает неоднородный фон кашля, на котором происходит событие ‘начинать петь’. Здесь фоновое событие кашля представляет собой мультипликативный процесс, состоящий из повторяющихся квантов ‘кашлянуть’, в промежутках между которыми имеет место основное событие.

- (31) *pet'a-j-en* *xə́ll'ə-t-ał* *kūt-ən* *ar-em-ij-əs*
 Петя-EP-POSS.2SG кашлять:NFIN.NPST-3SG между-LOC петь-МОН-ИТЕР-PST[3SG]
 ‘Когда Петя кашлял, начинал петь (комм.: между приступами кашля)’.

Теперь обратимся к однородным событиям. Своего рода эталоном однородных событий являются стативные события, такие как ‘жить’, ‘помнить’ или ‘отдыхать’. Вопреки ожиданиям, однако, каких-либо значимых отличий КЎТЭН, по сравнению с другими конструкциями, не обнаруживается. Использование КЎТЭН с состояниями проиллюстрировано примерами (32, 33). Вероятно, допустимость КЎТЭН в данном случае обусловлена тем, что сами фоновые события сна и ожидания трактуются как промежутки между другими событиями.

- (32) *pet'a-j-en* *ə́ł-t-ał* *kūt-ən* *xə́ll'ə-s*
 Петя-EP-POSS.2SG спать:NFIN.NPST-3SG между-LOC кашлять-PST[3SG]
 ‘Когда Петя спал, кашлял’.

- (33) *waśa-j-en* *mānti* *lawə́ł-t-ał* *kūt-ən* *ńı́xr-ənt-əs*
 Вася-EP-POSS.2SG я.АСС ждать:NFIN.NPST-3SG между-LOC строгать-DETR-PST[3SG]
 ‘Когда Вася меня ждал, он что-то строга́л’.

Среди динамических событий наиболее однородными являются действия и процессы, называемые инкрементальными, ср. (Dowty, 1991, Татевосов, 2005), при которых происходит

постепенное накопление некоторого признака, ср. аспектальный класс направленной деятельности, по Л. Янде (Janda, 2015: 150–151). Из таких событий КҮТӘН сочетается только с агентивными процессами, предполагающими либо сознательное прерывание действия агенсом (34), либо чередование событий с пересечением (35).

- (34) *maša-j-en* *pāsan-aλ* *mōḡx-t-aλ* *kūt-ən*
 Маша-EP-POSS.2SG стол-POSS.3SG вытирать-NFIN.NPST-3SG между-LOC
kim *et-m-ijəλ-əs*
 наружу выйти-MOM-ITER-PST[3SG]
 ‘Вытирая стол, Маша выскакивала на улицу’.
- (35) *maša-j-en* *pāsan* *mōḡx-t-aλ* *kūt-ən* *arij-əs*
 Маша-EP-POSS.2SG стол вытирать-NFIN.NPST-3SG между-LOC петь-PST[3SG]
 ‘Вытирая стол, Маша пела’.

С пациентивными процессами КҮТӘН, ср. глагол *enəmti* ‘расти’ в (36, 37), недопустимо, хотя при этом то же ограничение наблюдается у LOC и SA.

- (36) **enəmt-t-aλ kūt-ən*
- (37) *waša-j-en* *enm-əm* *māṛ-əλ-ən* *jām-a* *λε-s*
 Вася-EP-POSS.2SG расти-NFIN.PST время-3SG-LOC хороший-ADV есть-PST[3SG]
 ‘Когда Вася рос, он хорошо ел’.

Стоит также отметить, что если однородное переходное событие дефолтно протекает в короткое время, то в конструкции КҮТӘН, как в случае ‘будить’ в (38), происходит коэрсия: событие растягивается во времени, и у него появляется как минимум один перерыв.

- (38) *mānti* *kūrit-t-aλ* *kūt-ən* *maša-j-en*
 я.ACC будить-NFIN.NPST-3SG между-LOC Маша-EP-POSS.2SG
kim *wəx-em-əs-i*
 наружу звать-MOM-PST-PASS[3SG]
 ‘Когда Маша меня (комм.: долго, по всякому) будила, ее позвали на улицу’.

Таким образом, параметр однородности можно признать в какой-то мере значимым для употребления КҮТӘН, но не с точки зрения сочетаемости, а в отношении получаемой интерпретации. Неоднородные события сами по себе содержат перерывы и этапы, поэтому свободно сочетаются с КҮТӘН, описывая локализацию в перерывах. Динамические однородные события в сочетании с КҮТӘН предполагают сознательное прерывание события. Наконец, стативные события допускают КҮТӘН, хотя при этом не предполагают никаких перерывов.

3. Итоги анализа

Итак, мы рассмотрели аспектальную сочетаемость пяти темпоральных обстоятельственных конструкций одновременности в хантыйском языке (обобщенная табл. 3).

Коротко суммируем основные свойства каждой конструкции. LOC ожидаемо оказалась наиболее семантически нейтральной конструкцией, не ограниченной ни по одному из параметров. Примечательной особенностью LOC является допустимость предельных событий в качестве фоновых. Остальные же конструкции либо образуются только от имперфективного причастия, либо содержат темпоральную лексему с семантикой длительности, что препятствует сочетаемости с неопредельными событиями.

Сравнение анализируемых конструкций по всем параметрам

Параметр	LOC	PŌRAJĀN	MĀR	KŪTĀN	SA
Предельность фон. события	любое	непредельн.	непредельн.	непредельн.	непредельн.
Длительность фон. события	любое	длительн., % средн.;	любое	любое	кратк., средн.
Однородность фон. события	любое	любое	любое	неоднородные, состояния	любое
Предельность осн. события	любое	любое	любое	любое	почти всегда предельное

PŌRAJĀN на общем фоне выделяется предпочтительным сочетанием с длительными фоновыми событиями, образующими интервал времени более одного дня. При этом средние события возможны в генерическом контексте, а краткие актуально-длительные события иногда допускаются, если в главной части описываются глобальные обстоятельства. Таким образом, PŌRAJĀN следует рассматривать не как средство выражения нейтрального значения общей временной соотнесенности (Черемисина, Кошкарева, 1991: 758), а как способ выразить одновременность с событием, характеризующим временной период.

MĀR близка по свойствам к PŌRAJĀN, но сочетается не только с длительными, но и со средними по длительности, при необходимости в более мелком масштабе. Кроме того, MĀR (Черемисина, Кошкарева, 1991: 758) передает ограничительную семантику, задавая предел протекания основного события, что требует отдельного изучения.

KŪTĀN, как и MĀR, предпочитает длительные и средние события. Однако в силу семантики промежуточности, передаваемой реляционным именем, KŪTĀN предполагает прерывистый характер фона.

Наконец, SA, в отличие от остальных, предпочитает краткие и средние по длительности фоновые события, а также предельные основные события.

Специфика выражаемого конструкцией таксисного отношения во многом зависит от допустимых аспектуальных характеристик соотносимых во времени событий. Поэтому более детальное типологическое изучение аспектуальных параметров таксисных конструкций позволит прийти к значительно более ясному пониманию их семантики и функционирования.

Таким образом, на полевом материале были рассмотрены пять причастных обстоятельствных конструкций со значением одновременности в казымском диалекте хантыйского языка. В ходе анализа было подтверждено влияние аспектуальных параметров предельности, длительности и однородности на употребление и интерпретацию конструкций. В частности, все конструкции, кроме LOC, требуют непредельного фонового события, SA предпочитает также предельное основное событие. PŌRAJĀN преимущественно сочетается с длительными событиями, SA, напротив, – с кратковременными, KŪTĀN предполагает либо неоднородный фон, либо прерывание фонового события. В целом аспектуальное разнообразие рассмотренных конструкций одновременности свидетельствует о необходимости уточнения и дополнения существующих типологических таксисных классификаций.

Список сокращений:

ACC – аккузатив, ADV – адвербиализатор, ATT – аттенуатив, DAT – датив, DEM – демонстратив, DETR – детранзитив, DU – двойственное число, EMPH – эмпфаза, EP – эпентеза, FOC – фокус, INDF – неопределенность, ITER – итератив, LOC – локатив, MOM – моментатив, NEG – отрицание, NFIN – нефинитная форма, NPST – непрошедшее время, POSS – посессивность, PROP – проприетив, PST – прошедшее время, SO – субъектно-объектное спряжение.

Литература:

- Апресян Ю. Д.** Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006.
- Кошкарева Н. Б.** Послелог хантыйского языка (на материале казымского диалекта) // Н. А. Лукьянова (ред.). Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. Новосибирск, 1996. С. 45–61.
- Кошкарева Н. Б.** Временные синтетические полипредикативные конструкции с инфинитными формами глагола в форме местно-творительного падежа в сургутском диалекте хантыйского языка (в сопоставлении со смежными хантыйскими и ненецкими диалектами) // Сибирский филол. журнал. 2007. № 3. С. 158–173.
- Лельхова Ф. М.** Глагольно-именные послеложные словосочетания, выражающие временные отношения в хантыйском языке // Вестник угроведения. 2012. № 3 (10). С. 46–51.
- Татевосов С. Г.** Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 108–141.
- Черемисина М. И., Кошкарева Н. Б.** Сложное и осложненное предложение в хантыйском языке // Языки народов Сибири: Грамматические исследования. Изд-во «Наука». Сибирское отделение, 1991. С. 740–804.
- Dowty D.** Thematic Proto-Roles and Argument Selection. *Language*. 1991. № 67. С. 546–619.
- Janda L. A.** Russian aspectual types: Croft's typology revised. In M. Shrager (ed.). *Studies in Slavic Linguistics and Accentology in Honor of Ronald F. Feldstein*. Bloomington: Slavica Publishers. 2015. С. 147–167.
- Kortmann B.** Adverbial subordinators in the languages of Europe. In J. Van der Auwera, D. P. Baicell, D. Ó. Baicell (eds.), *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Walter de Gruyter, 1998. С. 457–561.
- Schön, Zs.** *Postpositionale Konstruktionen in chantischen Dialekten*. München: Universitätsbibliothek der Ludwig-Maximilians-Universität, 2017.
- Talmy L.** Figure and ground in complex sentences. In *Annual meeting of the Berkeley linguistics society*. Vol. 1. 1975. С. 419–430.
- Talmy L.** *Toward a cognitive semantics: Volume 1: Concept structuring systems*. MIT Press, 2000.

Муравьев Никита Алексеевич.

Кандидат филологических наук, научный сотрудник.

Институт языкознания РАН.

Пер. Большой Кисловский, 1/1, Москва, 125009.

E-mail: nikita.muraviev@gmail.com

Материал поступил в редакцию 12 ноября 2022 г.

N. A. Muravyev

**PARTICIPIAL CONSTRUCTIONS WITH THE MEANING OF SIMULTANEITY
IN THE KAZYM KHANTY**

The article deals with participial temporal constructions with the meaning of simultaneity in the Kazym dialect of Northern Khanty. The richness and variety of the inventory of these constructions have been documented in a number of works. However, the existing descriptions do not clearly show their functioning and distribution. Therefore, this study aimed to describe the semantics of simultaneity constructions in more detail and to identify their characteristic features. Data for the study were collected during a field study in the village of Kazym in Khanty-Mansi Autonomous Okrug, Russia, by asking native speakers to complete stimulus contexts, the first part of which consisted of a dependent clause of each construction with a varying predicate. The questionnaire was based on a sample of 50 verbs of different aspect classes. Five constructions were selected for the study: one case-marked participle (locative case) and four postpositional participial constructions with the postpositions *pōrajən*, *mār(ən)*, *kūtən*, and *saxət/sati/sa*. The constructions were analyzed based on three aspectual parameters: Telicity, duration, and homogeneity of events. It was found that none of the constructions, with the exception of the locative construction, is compatible with telic background events. In this regard, the *pōrajən* construction favors long-term background events, the *kūtən* construction heterogeneous background events, the *saxət/sati/sa* construction short or medium-length background events and telic main events. A closer examination of the received contexts revealed that the *pōrajən* construction is not semantically unspecified as described in the literature but expresses a specific meaning of simultaneity with an event that characterizes a period of time. The *kūtən* construction, in turn, postulates a heterogeneous background through an initially heterogeneous event, while in combination with

homogeneous events, it implies a deliberate interruption of the background event by the subject. The *mär(ən)* and *kūtən* constructions have virtually no restrictions in combination with short-term events, but they are appropriate only in the case of “stretching” these events in time or simultaneity on a smaller scale.

Keywords: *Uralic languages, Khanty, semantics, aspect, taxis, participle, polypredication, simultaneity*

References:

- Apresjan Ju. D.** Jazykovaja kartina mira i sistemnaja leksikografija [Linguistic worldview and systemic lexicography] / Ju. D. Apresjan (ed.). Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2006.
- Koshkareva N. B.** Poslelogi hantyjskogo jazyka (na materiale kazymskogo dialekta) [Postpositions in Khanty (data from Kazym Khanty)] // N. A. Luk'janova (ed.). Jazykovye edinicy v semanticheskom i leksikograficheskom aspektah. Novosibirsk, 1996. P. 45–61.
- Koshkareva N. B.** Vremennye sinteticheskie polipredikativnye konstrukcii s infinitnymi formami glagola v forme mestnotvoritel'nogo padezha v surgut'skom dialekte hantyjskogo jazyka (v sopostavlenii so smezhnymi hantyjskimi i neneckimi dialektami) [Temporal synthetic complex sentences with non-finite verb forms in locative case in Surgut Khanty (in comparison to adjacent Khanty and Nenets dialects)] // Sibirskij filologičeskij žurnal. 2007. No 3. P. 158–173 (in Russian).
- Lel'hova F. M.** Glagol'no-imennye poslelozhnye slovosochetanija, vyrazhajushhie vremennye otnoshenija v hantyjskom jazyke [Verb-noun compounds denoting temporal relations in Khanty] // Vestnik ugrovedenija. 2012. No 3 (10). P. 46–51 (in Russian).
- Tatevosov S. G.** Akcional'nost': tipologija i teorija [Actionality: typology and theory] // Voprosy jazykoznanija. 2005. No 1. P. 108–141 (in Russian).
- Cheremisina M. I., Koshkareva N. B.** Slozhnoe i osloznennoe predloženie v hantyjskom jazyke [Complex sentence in Khanty] // Jazyki narodov Sibiri: Grammatičeskie issledovanija. Novosibirsk: Nauka, 1991. P. 740–804.
- Dowty D.** Thematic Proto-Roles and Argument Selection. *Language*. 1991. No 67. P. 546–619.
- Janda L. A.** Russian aspectual types: Croft's typology revised. In M. Shrager (ed.). *Studies in Slavic Linguistics and Accentology in Honor of Ronald F. Feldstein*. Bloomington: Slavica Publishers. 2015. P. 147–167.
- Kortmann B.** Adverbial subordinators in the languages of Europe. In J. Van der Auwera, D. P. Baioill, D. Ó. Baioill (eds.), *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Walter de Gruyter, 1998. P. 457–561.
- Schön, Zs.** Postpositionale Konstruktionen in chantischen Dialekten. München: Universitätsbibliothek der Ludwig-Maximilians-Universität, 2017.
- Talmy L.** Figure and ground in complex sentences. In *Annual meeting of the Berkeley linguistics society*. Vol. 1. 1975. P. 419–430.
- Talmy L.** *Toward a cognitive semantics: Volume 1: Concept structuring systems*. MIT Press, 2000.

Muravyev Nikita Alexeevich.

Ph.D., research fellow.

Institute of linguistics RAS.

Bolshoy Kislovsky Lane, 1/1, Moscow, Russia, 125009.

E-mail: nikita.muraviev@gmail.com